

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-314-338>
<https://elibrary.ru/XUJVG5>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Русский Ташкент в сатирической поэзии начала XX века

© 2025, В.А. Суханов

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
Ташкент, Узбекистан

Аннотация: В статье рассматривается образ Ташкента в том виде, каким он складывается в русской сатирической поэзии начала XX в. Первоначально дается обзор очерков о Ташкенте того времени, сделанных путешественниками из центральной части России. Подчеркивается, что основная черта этих работ — соединение в культурном облике Ташкента азиатских реалий и признаков русской провинции. Далее путем сопоставления выявляются различия в описаниях Ташкента в стихотворениях приезжих поэтов и поэтов-ташкентцев: если в текстах первой категории авторов наблюдается органичное сочетание русских и азиатских мотивов, то в текстах ташкентских поэтов город изображается только как типичная российская провинция. В основной части статьи дан анализ стихотворных фельетонов двух сатирических журналов начала прошлого столетия — «Туркестанского скорпиона» и «Туркестанского Кара-Курта». Методом каталогизации выявляются основные составляющие образа Ташкента того периода, который изображался поэтами-сатириками (постоянными жителями города) как провинциальный российский город с минимальными вкраплениями азиатских реалий.

Ключевые слова: русская литература, сатирическая поэзия, колониальная литература, постколониальный дискурс, ориентализм, Ташкент, Средняя Азия.

Информация об авторе: Виктор Алексеевич Суханов — преподаватель, кафедра русского литературоведения, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, ул. Университетская 4, 100174 г. Ташкент, Узбекистан.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0776-1104>

E-mail: viktor.suxanov.99@mail.ru

Для цитирования: Суханов В.А. Русский Ташкент в сатирической поэзии начала XX века // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 314–338. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-314-338>

1.

После Венского конгресса 1814–1815 гг. Российская империя в качестве государства, сыгравшего ключевую роль в победе над Наполеоном, вошла в круг ведущих европейских держав. Как отмечает А. Моррисон, новый статус вкупе с соответствующим ему новым самосознанием российской политической элиты стали определять дальнейшую политику в отношении соседних государств и территорий. В первую очередь это оказало непосредственное влияние на среднеазиатских соседей империи. К цивилизаторской миссии российских правящих кругов прибавилось недовольство неповиновением и частыми разбоями на торговых путях со стороны кочевых племен, что в свою очередь подрывало престиж империи [8, с. 26].

Активная фаза экспансии России в регион пришла на 40–80-е гг. XIX в. В ходе череды военных кампаний почти вся территория Средней Азии оказалась под контролем Российской империи. Бухарский эмират и Хивинское ханство, значительно уменьшившиеся в размере и сохранившиеся на политической карте, фактически утратили внешнюю независимость. На подконтрольных территориях в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, административным центром которого стал присоединенный к России за два года до этого Ташкент.

Становление города в качестве столицы новообразованного региона оказало влияние на его социально-экономическое положение. Уже в начале XX в. Ташкент — «умственный и торгово-промышленный центр русских среднеазиатских владений» и десятый по величине город России с населением более 155 тысяч человек, «из коих около 25000 русских; остальные туземцы»¹.

При ознакомлении с описаниями Ташкента начала XX в. нельзя не заметить одну характерную деталь: в глазах, а порой и в сознании русского/европейского человека Ташкент часто не воспринимался как восточный город, хотя и расположенный в самом центре Азии. Многократный перевес коренного населения и тот факт, что к тому времени Ташкент находился в составе России менее полувека, не могли перевесить европейский колорит его архитектурного и социального ландшафтов. Ташкент рубежа XIX–XX вв. являл собой гибрид европейской и азиатской цивилизаций.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Семеновская типолит., 1890–1907. Т. 64. С. 700.

Приведем здесь свидетельства некоторых жителей города и тех, кто его посещал в то время. В частности, А.Ф. Керенский, проведенный в Ташкенте несколько лет, вспоминал:

Улицы города являли причудливое сочетание Европы и Азии. <...> Мы приехали в Туркестан спустя всего шесть лет после экспедиции умиротворения, проведенной генералом М.Д. Скобелевым в туркменском оазисе Геок-Тепе (1881 год), и всего 24 года спустя после захвата самого Ташкента. Тем не менее, собираясь в дальнюю дорогу из Симбирска, мы ни на мгновение не допускали мысли, что будем жить в «оккупированной» стране. Ташкент был просто-напросто далекий уголок России².

Керенский отмечает смешение восточного и западного стилей в архитектуре Ташкента, ассоциируя его при этом с типичным уголком российской провинции. Но отнюдь не все, кто посетил Ташкент в тот период, полностью разделяли точку зрения Керенского. Экономист и статистик А.А. Кауфман (1864–1919), командированный в Туркестан в 1901–1903 гг., в путевых очерках пишет о Ташкенте как о городе, в котором западноевропейское причудливо оттеняется азиатским:

Попав в Ташкент, вы с изумлением видите себя среди сплошного, чисто итальянского сада, в густой зелени которого тонут одноэтажные, по большей части аккуратные и не без вкуса выстроенные, светлоокрашенные каменные домики. <...> Но на каждом шагу вы видите, что этот почти европейский город заброшен в самое сердце Средней Азии³.

В первый год XX в. Ташкент посетил М.А. Волошин. И хотя в его поэтическом творчестве Ташкент ни разу не появился в качестве объекта изображения, об этом городе весьма подробно рассказывается в письмах поэта. В одном из них он прямо называет Ташкент «русским городом», выделяя в нем при этом непривычные для европейца атрибуты — восточные халаты и верблюдов:

² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / пер. с англ. М.: Республика, 1993. С. 9–11.

³ Кауфман А.А. По новым местам. (Очерки и путевые заметки). 1901–1903. СПб.: Изд. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 260–263.

«Ташкентцев» приходилось много видеть, знал я тоже, что «Ташкент есть понятие собирательное», но что настоящий, конкретный Ташкент так хорош, красив и своеобразен, что ташкентцы не в переносном смысле, а в прямом и так красиво задрапированы в свои разноцветно-полосатые халаты и так картинно ездят на верблюдах по главным просекам (город весь стоит точно в лесу) города и что это первый русский город, где совершенно нету жандармов, — этого я не знал [2, т. 8, с. 403].

В том же году Волошин напишет стихотворение «Пустыня», в тексте которого нет прямых указаний на Ташкент. В начале стихотворения изображается парижский Монмартр, а далее возникают общие для многих ориенталистских текстов мотивы:

Застывший зной. Устал верблюд.
Пески. Извивы желтых линий.
Миражи бледные встают —
Галлюцинации Пустыни.
И в них мерещатся зубцы
Старинных башен. Из тумана
Горят цветные изразцы
Дворцов и храмов Тамерлана.
И тени мертвых городов
Уныло бродят по равнине
Неостывающих песков,
Как вечный бред больной Пустыни [2, т. 1, с. 11–12].

Однако завершается это стихотворение с размытым туркестанским пейзажем весьма конкретным авторским указанием на место написания — «Ташкент — Париж» [2, т. 1, с. 12]. И в этом указании нам видится сознательный жест Волошина, содержащий не только противопоставление, но и парадоксальное сближение восточного и западного городов.

Отчасти похожим образом описал свои впечатления от Ташкента композитор В.Н. Гартевельд (1859–1927), который, как и его предшественники, обратил особое внимание на контраст между европейским и азиатским в городе:

Ташкент! Лишь только по приезде выйдете вы из вагона на платформу, как сразу почувствуете, что попали в большой город. <...> Дальше вы увидите прекрасные улицы с оживленной толпой,

с великолепными магазинами и, наконец, очутившись в гостинице «Россия», вы сразу убедитесь, что, после азиатского Туркестана, находитесь в убежище европейской техники и комфорта. <...> На улицах гудят автомобили и встречаются (тоже признак большого города) «жертвы общественного темперамента», чем, кажется, ташкентцы немало гордятся... Одним словом, прогресс и цивилизация!.. <...> И если бы не встречались постоянно сарты и киргизы, верблюды, ослики и другие атрибуты Востока, вы легко могли бы вообразить себя в европейском городе средней руки. Таково первоначальное впечатление от Ташкента. Но, прожив в городе, как я, неделю, вы, к собственному удивлению, убедитесь, что находитесь в глухой провинции!⁴

Мы видим, что в глазах тогдашнего путешественника Ташкент предстает европейским городом, в котором, тем не менее, обращают на себя внимание частые вкрапления азиатских реалий и примет, характерных для русской провинции.

2.

Однако в поэтических текстах о Ташкенте начала XX в. можно проследить иную тенденцию: авторы делали акцент либо на азиатских, либо на европейских и характерных для российской провинции реалиях города без их совмещения. При этом приезжие поэты, как правило, тяготели к изображению Ташкента как азиатского города, а в стихотворениях местных поэтов Ташкент часто предстал европейским и/или русским провинциальным городом.

В качестве выразительного примера изображения азиатского Ташкента можно привести стихотворение «Старый Ташкент» (1916) москвича Константина Липскерова (1889–1954). В 1914 г. поэт совершил путешествие в Туркестан:

Чтоб описать покой их, хватит слов ли?
О коридоры палевые глин!
В них пыль пустынь, что любит цвет один,
Поймала все в своей искусной ловле.
Порою дети пестрые на кровле
Стелили стебли длинные долин,
Порою ослик желтый нес кувшин,
Да караваны двигались торговли.

⁴ *Гартевельд В.Н.* Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). М.: Изд. И.А. Маевского, 1914. С. 149–151.

Порою путник в дверь кольцом стучал...
И два кокона алых покрывал
Скользнули, промелькнувши на закате.
И юноша явился вдалеке.
Он в белом с узким золотом халате
И с белой розой в бронзовой руке⁵.

В 1919 г. вышла в свет поэтическая книга «Край солнца и чимбета» уроженца Самарской губернии Александра Ширяевца (1887–1924), в которую вошло стихотворение «Умирающая арча» (второе его название — «Шейхантаурское кладбище»). Подзаголовок стихотворения повторяет название сонета Липскерова — «Старый Ташкент».

Смерть входит и в священные углы,
Все никнет перед властным Азраилом.
— Дерев священных жалкие стволы
В истоме смертной клонятся к могилам.
Все ниже, ниже... Стережет мазар
Бунчук, чернея в небе ясно-синем.
А рядом жизнь — клокочущий базар,
Торговцев выкрик, запах пряный дыни [7, с. 167].

В изображениях Ташкента, представленных в стихотворениях местных авторов, азиатских реалий гораздо меньше, а порой и вовсе нет. Приведем здесь два соответствующих примера.

Автором первого стихотворения, фрагмент которого мы процитируем, был Георгий Павлюченко (1888–1955), печатавшийся под псевдонимом Георгий Светлый. Вместе с Валентином Вольпиным (1891–1956) и Джурой (псевдоним Юрия Пославского (1890–1938)) он был организатором и участником артели поэтов «Gesvavood». Стихотворение Светлого называлось «Город»:

Как пчела, гудит трамвай;
Звон звонков, — макак банзай,
В магазинах ад и рай;
На окне стоит парик;
Дама в платье электрик;
Рысаки несут кокотку.

⁵ Липскеров К.А. Песок и розы. Стихи. М.: Альциона, 1916. С. 27.

У казенки тянет водку
Сифилитный тип — старик.
Манит колокол к вечерне,
Раскровянились в харчевне
Два мастеровых.
Мерно двинулись рекламы
Мимо похотливой дамы —
Не лицо, а жмых⁶.

Сходным образом Ташкент был описан в еще одном стихотворении, также названном «Город» (1916), соратника Светлого по поэтической артели, Валентина Вольпина:

Пыльные улицы. Дым из фабричных кварталов,
Запах бензина от наглых и шумных моторов,
Зеркало сонных, надолго застывших каналов,
Серые стены, сомкнувшие вольность просторов.

Ночь и весну осквернили разгул, проститутки...
Тюрьмы, решетки, больницы и чахлые скверы.
Тяжко в плену городском! Ночи бессонные жутки.
В звонких бокалах, на дне, притаились враждебно химеры⁷.

Ни Светлый, ни Вольпин не дают никаких намеков на Азию. По этой причине у читателя, незнакомого с биографиями этих авторов, может создаться впечатление, что в стихотворениях описывается провинциальный российский город. Объясняется это в первую очередь тем, что завоеванный в 1865 г. Ташкент, как и некоторые другие города Туркестана, не подвергся принудительной вестернизации, а был разделен на старую (азиатскую) и новую (русскую) части. А точнее к старому городу был пристроен новый.

Русский город начал возникать почти тотчас же после занятия русскими войсками Ташкента. В августе 1865 года генерал Черняев, озабочиваясь размещением войск на зиму, приступил к постройке крепости и зимних помещений. <...> Преемник Черняева генерал Романовский признал своевременным, с наступлением весны

⁶ Светлый Г. Солнцебунт и ржа. Ташкент: Изд-во артели поэтов «Gesvavood», 1920. С. 3.

⁷ Вольпин В. Ярмо и воля. Кн. 2. Ташкент: Изд-во артели поэтов «Gesvavood», 1920. С. 26.

1866 года, позаботиться о выборе места для будущего русского города. Выбор его остановился... на местности, бывшей тогда свободной от сартовских построек, на восточной стороне старого Ташкента между Боз-су и Чаули. Для разбивки ее на улицы европейского типа и на участки для отдельных владений был составлен в июне того же года комитет под председательством самого Романовского⁸.

Атрибуты старого Ташкента были слишком привычным явлением даже для новой части города и просто не замечались местными русскими поэтами. С точки зрения Э.В. Саида, это один из культурных стереотипов, когда в европейской среде игнорируется все, что связано с азиатской культурой [6, с. 46].

3.

Для социально-экономической, политической и культурной жизни Ташкента начала XX в. большое значение имели печатные средства массовой информации. Пресса была основным источником сведений о происходящем в Туркестане и в мире, и часто она оказывала влияние на местную общественную жизнь.

24 ноября 1905 г. император Николай II подписал «Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах о повременных изданиях», согласно которому во всех городах Российской империи (в том числе и в Туркестанских) отменялась цензура периодической печати⁹. Это дало резкий толчок развитию прессы, в особенности сатирической. В Ташкенте после 1905 г., помимо новых газет, стали выходить сатирические журналы и альманахи, в которых печатались не только фельетоны и карикатуры, но и стихи. Безусловно, поэзия такого рода выполняет функцию художественно-эстетического воздействия на читателя далеко не в первую очередь, а имеет скорее прикладной характер: ее задача комическое изображение и осмеяние постыдных явлений и/или ситуаций, в первую очередь, из жизни того региона, где данное издание выходит.

Подобные стихотворные фельетоны не были предназначены для публикации в авторских и поэтических сборниках или антологиях — их авторы зачастую печатались под сиюминутными псевдонимами, понимая, что их произведения не останутся надолго в памяти чи-

⁸ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Электро-паровая типолит. О.А. Порцева, 1912. С. 72.

⁹ Полн. собр. законов Российской империи: в 33 т. Собр. 3. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1885–1916. Т. 25. С. 837–840.

тателя. М.Л. Гаспаров следующим образом охарактеризовал такого рода поэзию:

Сейчас уже мало кто помнит, что такое стихотворный фельетон в дореволюционной газете: почти ежедневные сорок–пятьдесят строчек бойким размером о чем угодно, а чаще всего ни о чем, только чтобы разнообразить страницу; темы их повторялись вновь и вновь, потому что никто из читателей нового фельетона не помнил предыдущего [3, с. 939–940].

Зачастую газеты становились единственным выходом для авторов, пытавшихся опубликовать свои стихотворения, поскольку редакторы газет относились более снисходительно к уровню произведений. Причина тому проста: основная функция газетных изданий — информативная. Стихотворения печатались в них, в основном, для разнообразия контента, а иногда в более практических целях — заполнить пустые страницы. В качестве аргумента можно привести цитату из романа «Дар» В. Набокова:

Добродушно принимая стихи Федора Константиновича, Васильев помещал их не потому, что они ему нравились (он обыкновенно даже их не прочитывал), а потому, что ему было решительно все равно, чем украшается неполитическая часть «Газеты». Выяснив раз навсегда тот уровень грамотности, ниже которого данный сотрудник не может спуститься по натуре, Васильев предоставлял ему полную волю, даже если данный уровень едва возвышался над нулем. Стихи же, будучи мелочью, вообще проходили почти без контроля, просачиваясь там, где задержалась бы дрянь большего веса и объема [5, с. 248].

Тем не менее, образцы непритязательной сатирической поэзии весьма многое говорят о том типе сознания, который господствовал в среде русскоязычных жителей Ташкента. Выявление примечательных особенностей этого сознания, явленных через сатирические стихотворения, и станет основной целью нашего дальнейшего анализа.

Материалом для нас послужили стихотворения из двух ташкентских сатирико-юмористических журналов. Первый из них назывался «Туркестанский скорпион». Это еженедельный сатирический журнал с карикатурами, выходивший в Ташкенте с 21 октября по 25 декабря 1907 г. Редактором-издателем его была Н.В. Тугарина. Всего было выпущено 10 номеров журнала [1, т. 3, с. 494].

Вторым источником стало издание «Туркестанский Кара-Курт», первоначально выходившее как периодический альманах (1911–1912; всего 8 номеров), позже как ежемесячный журнал «Кара-Курт» (1913; нет данных, какой из номеров стал последним, но известно, что их было по меньшей мере 9). Первым редактором и издателем альманаха был Л.В. Будкевич, позже, в 1912 г., редактором стал Е.Ф. Баранов, а издателем — Л.М. Федорова [1, т. 3, с. 493; см. также: 1, т. 2, с. 138].

В силу значительного количества поэтических текстов, печатавшихся в двух названных журналах, мы далее не будем рассматривать каждое стихотворение по отдельности, полностью цитируя его, но постараемся воссоздать целостную картину Ташкента, приводя отдельные цитаты из стихотворений. Соответственно, нам кажется целесообразным рассматривать тексты из разных журналов вместе, не проводя в данном случае различий между «Туркестанским скорпионом» и «Туркестанским Кара-Куртом».

Кроме «размытых» объектов, чьи адреса на карте Ташкента мы не найдем, поэты-сатирики отсылали читателя и по вполне конкретным городским адресам. Одним из центральных ташкентских локусов предстает Соборная площадь, названная по расположенному на ней Спасо-Преображенскому собору, который был взорван при советской власти в 1935 г. Площадь упоминается в двух стихотворениях. Первое называется «Без обмана не продать» и принадлежит перу Н. Нижегородского. Приведем здесь соответствующий отрывок:

На Соборной крез Ташкентский
Торг по совести ведет,
И барыш первогильдейский
С покупателя дерет.
И всегда товар негодный
Он старается сбывать.
Ведь на то девиз торговый:
— Без обмана не продать! —¹⁰

¹⁰ Туркестанский скорпион. Ташкент, 1907. № 8. С. 3.

Спасо-Преображенский собор, нач. XX в. Открытка серии «Ташкент» из коллекции С.Г. Пряхина¹¹

Transfiguration Cathedral, early 20th century. Postcard from the Tashkent series from the collection of S.G. Pryakhin

Иначе изображена Соборная площадь в стихотворении «Из Ташкентских мотивов», подписанном «Валя Тр-ва». Ташкент предстает здесь городом, в котором основной транспорт это повозки: «*Приди, приди, друг, на Соборку, / Где спят в снегу карагачи. / Мы на десятую пятерку / Эх, крикнем кучеру, — Скачи!*»¹².

Карагачи упоминаются и в фельетоне «Туркестанская лирика» (автор Paul). Там присутствуют и другие традиционные ташкентские реалии — арыки и бачи. Отметим, что бачи упоминаются лишь вскользь и это в принципе единственное возникновение данного, весьма популярного в ташкентской живописи мотива в рассматриваемых нами сатирических стихотворениях:

По арыку струйки мчатся
В тень густых карагачей, —
А Гуляму ночью снятся
Пляски мальчиков-бачей.¹³

¹¹ Этот и последующий иллюстративный материал размещен на интернет-сайтах «Письма о Ташкенте» (<https://mytashkent.uz/>) и «Старый Ташкент в документах и фотографиях» (<https://oldtashkent.com/>)

¹² Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1912. № 8. С. 10.

¹³ Кара-Курт. Ташкент, 1913. № 1 (9). С. 6.

В другом стихотворении «Вали Тр-ва», названном «Двойник», упоминается еще одна ташкентская улица и вновь фигурирует тема тяглового транспорта:

Еду Касьяновской темной
Тихо все. Спят фонари.
Вдруг мой возница наемный
Нож показал: «Не ори!»
Снял с меня брюки, штиблеты,
Шапку, сюртук и жилет...
Где ты, полиция, где ты?
Боже, не слышен ответ¹⁴.

Касьяновская улица была выбрана автором фельетона неслучайно, поскольку в начале 1910-х гг. этот локус хоть и располагался в черте городе, но был практически на его окраине.

Среди изображений ташкентских локаций в фельетонах встречаются описания публики типичных ташкентских улиц. Пример — короткое стихотворение «Праздничная толпа», автор которого подписался псевдонимом Wega:

Шумит, волнуется Ташкент,
Толпа на улицах густая:
Здесь коммерсант, юрист, студент,
Чиновник, дама молодая;
Здесь много юношей, девиц,
Людей с призваньем, без призваний...
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!¹⁵

В приведенном стихотворении Ташкент описывается как своего рода аллегория вавилонского мифа (не зря оно названо именно «Праздничная толпа»): многолюдный шумный город, место пересечения разных языков и людей самых разных национальностей и профессий. Но несмотря на упоминание «племен» и «наречий», в стихотворении показательно отсутствуют азиатские мотивы.

К группе стихотворений о ташкентском транспорте можно отнести фельетон «Ташкентский трамвай», автор которого подписался лишь одной буквой «С». Прочитируем первые строфы фельетона:

¹⁴ Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1912. № 8. С. 14.

¹⁵ Кара-Курт. Ташкент, 1913. № 3. С. 9.

Тяжко видеть нам, ей-ей!
 Впрямь, возьмет кручина,
 Когда бедных лошадей
 Бьет кнутом скотина.....
 Но... кто в этом виноват?..
 Кучер лишь беспечный?!...
 Нет, хозяин — во сто крат, —
 Француз бессердечный!...¹⁶

Трамвай на конной тяге на улице Романовского, нач. XX в. Открытка серии «Виды Ташкента» из коллекции С.Г. Пряхина
Horse-drawn tram on Romanovsky Street, early 20th century. Postcard from the series “Views of Tashkent” from the collection of S.G. Pryakhin

Речь здесь идет о трамвае на конной тяге «на протяжении 9 верст от базара старого города до вокзала и от Романовской улицы по Петербургской и Пушкинской до бани Метрикова»¹⁷. Фельетон из «Туркестанского скорпиона» был написан в 1907 г. — за шесть лет до запуска в Ташкенте первого в Туркестане электрического трамвая. Автор-сатирик критикует конку, как устаревший и негуманный по отношению к животным вид транспорта. Под французом, кото-

¹⁶ Туркестанский скорпион. Ташкент, 1907. № 3. С. 3.

¹⁷ Адрес-справочник Туркестанского края с иллюстрациями, календарем на 1910 г., картой края и объявлениями. Ташкент: Изд. Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, 1910. С. 110.

рого автор фельетона обвиняет в бессердечии, скорее всего, имеется ввиду глава бельгийского анонимного общества «Ташкентские трамваи», которое и было организатором первой конно-железной дороги в Ташкенте¹⁸.

Другой поэт-сатирик, подписавшийся «М.Ж.», посвятил целое стихотворение еще одному атрибуту западной цивилизации — телефону. Фельетон так и называется — «Ташкентский телефон». Приведем здесь начальную строфу:

Стал звонить он: было рано,
Все тонуло в ярком свете.
На центральную он рьяно
Звонит час, другой и третий¹⁹.

Составитель торгово-промышленного справочника Туркестанского края С.Р. Конопка отмечает:

Телефон в Ташкенте является городским предприятием. В 1911 году было 708 абонентов, в туземной части города имеется 54 абонента. Четыре телефона-автомата поставлены на железнодорожном вокзале, на товарной станции Ташкентской дороги, на Воскресенском базаре и в Городской Управе²⁰.

Кроме ташкентских улиц, поэты-сатирики описывают и расположенные на них знаковые объекты. Примером может послужить стихотворение «В летнем театре», снабженное подзаголовком «Городской сад»:

На лице моем несчастном
Бьется чей-то жирный бюст...
Сквозь него, на сцене, ясно
Вижу будочку и куст.
Кто-то дует прямо в ухо...
Там — прическа с париком...²¹

¹⁸ Там же. С. 49.

¹⁹ Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1911. № 3. С. 10.

²⁰ Конопка С.Р. Туркестанский край. Ташкент: Электротпечатня при канцелярии туркестанского генерал-губернатора, 1913. С. 107.

²¹ Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1911. № 3. С. 4.

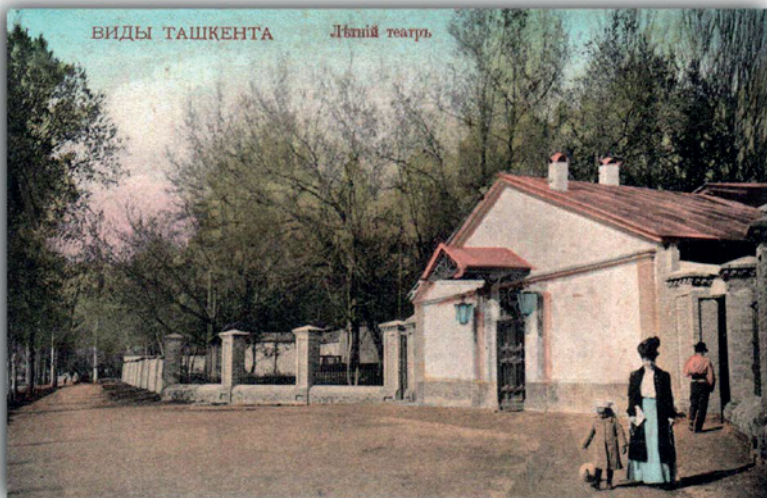

Городской сад, нач. XX в. Открытка серии «Виды Ташкента» из коллекции С.Г. Пряхина
City Garden, early 20th century. Postcard from the series “Views of Tashkent” from the collection of S.G. Pryakhin

В стихотворении описываются атрибуты, характерные отнюдь не для азиатского города, но наиболее важным здесь оказываются название и подзаголовок, отсылающие к конкретному ташкентскому объекту. Подразумевается заложенный в 1882 г. городской сад, в котором в 1894 г. был построен летний театр. В своем путеводителе по туркестанскому краю о городском саде и расположенном в нем летнем театре Ташкента упоминает Конопка: «Театральный вопрос является самым слабым местом в ташкентском хозяйстве. Театра в полном смысле этого слова в Ташкенте совсем нет, если не считать того сарая в городском саду, который по какому-то недоразумению называют “летним театром”»²².

В поле зрения поэтов-сатириков часто оказывался другой ташкентский объект, связанный со зрелищами — кинотеатр «Хива», располагавшийся на углу Кауфманской и Романовской улиц. В фельетоне «Прочтите Дамы!» (автор «Добрый Поэт») описывается своего рода салон красоты, принадлежащий И. Ненюкову, которого автор иронически называет «чудодеем», а функция «Хивы» в стихотворении сводится к топографическому ориентиру:

²² Конопка С.Р. Туркестанский край. С. 107–108.

Летний театр, нач. XX в. Открытка серии «Виды Ташкента» из коллекции С.Г. Пряхина
Summer Theatre, early 20th century. Postcard from the series “Views of Tashkent” from the collection of S.G. Pryakhin

Но вот меж наших модных дам
 Разнесся слух на весь Ташкент,
 Что можно, мол, теперь без драм
 Красивей стать в один момент!..
 <...>
 Но где же адрес куафера,
 Чтоб стать красивей вне примера?
 Шампунем голову где мыть?
 Где можно волосы купить:
 Гирлянды, локоны, крепоны,
 Фризеты, косы, «Диадем»,
 Тюрбаны, валики и фроны
 И головной из сетки шлем?
 Косу из пряди меж, Торсад,
 Прическу моды Лизистрат!
 Согласны, адрес мы не скроем
 И всем читателям откроем —
 Без разгильдяйства лишних слов:
 Сей чудодей И. Ненюков —

Интеллигенции всей местной,
 Под фирмой «Примус» всем известный —
 Напротив кинемо — «Хивы»,
 Где и найдете его Вы!²³

Помимо «Хивы», в стихотворении упоминается еще один локус — фирма «Примус», под помещением которой, по-видимому, и располагался салон красоты Ненюкова. Очевидно, что оба объекта были хорошо известны ташкентской публике.

*Электротееатр «Хива», нач. XX в. Открытка серии «Ташкент» из коллекции С.Г. Пряхина
 Kinematograftheater “Chiva,” beginning of the 20th century. Postcard of the “Tashkent” series from the collection of S.G. Pryakhin*

В качестве характерной приметы нового Ташкента синематограф «Хива» в 1913 г. был упомянут в сатирическом стихотворении «Царевич Май», подписанном псевдонимом «Квазимодо»:

И в «Хиве» полустоличной
 Макс, а с ним и Разамат,
 Чтoб иметь барыш приличный
 Учинили синдикат.

²³ Туркестанский Кара-Курт. Ташкент, 1911. № 3. С. 8.

Ставят драмы, драмы, драмы,
 Верст примерно в пять и шесть,
 В модных шляпах наши дамы
 Там не знают, как им сесть²⁴.

Вновь «Хива» предстает как одно из наиболее приметных заведений города, достойных специальной строфы стихотворения. Максом и Размагатом автор стихотворения называет крупнейших в то время ташкентских кинопрокатчиков Максимилиана Высокинского и Х. Разматова (подробнее см.: [4, с. 3–4]).

Похожим образом кинотеатр «Хива» описан в серии четверостиший «К летнему сезону», автор которых спрятался под псевдонимом «Рыжий Кок». Приведем здесь одно из этих четверостиший:

Заглянувши в «Хиву», мы встречаем
 Тьму нарядных и праздных людей.
 О картинках же здесь отмечаем,
 Где же Чаринов наш чародей?²⁵

К респектабельности кинотеатра здесь добавляется изображение праздно разодетых представителей местной элиты и упоминается еще один деятель ташкентской киноиндустрии Н. Чаринов (подробнее см.: [4, с. 3–4]).

Кроме кинотеатров, поэты-сатирики изображали и другие престижные ташкентские локусы. В стихотворении «Рыжего Кока» «Ташкент ночью» фигурируют сразу несколько городских объектов того времени. Поскольку характерной приметой Ташкента начала XX в. была обильная флора, автор фельетона не мог обойти стороной этот факт и начал свой текст такими строками (пародирующими «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова):

Не ригой, не амбарами,
 Не кабаком, не мельницей,
 «Как часто на Руси...»
 Ташкент кончался садиком
 Зелененьким, кудрявеньким,
 Прохладеньким, нарядненьким
 С плеядою забав...²⁶

²⁴ Кара-Курт. Ташкент, 1913. № 4. С. 8.

²⁵ Там же. № 4. С. 10.

²⁶ Там же. № 6. С. 12.

А далее в стихотворении возникают указания на конкретные объекты, один из которых сад, носивший среди публики неформальное название «Цветник»:

Уж полночь — всюду парочки
Целуются, милуются,
Спешат идти скорехонько
В соседний сад «Цветник»;
А у кого в карманниках
Шумят бумажки крупные —
Летит поспешно, радостно
В открытый, летний «Буфф».
Там публика отменная,
Потягивая водочку,
Да кофеек с ликерами
Толчется до зари.
А присмотревши дамочку
С глазами подведенными,
Счастливицы направляются
В «Альгамбру» номера.....²⁷

Знаковым локусом в этом отрывке предстает кафе-театр «Буфф». Заведение располагалось на Московской улице в Ташкенте, но было знаменито не только среди ташкентской богемы. Оно славилось по всему Туркестанскому краю — до наших дней дошли дореволюционные открытки и фотоснимки, изображающие здание кафе-театра.

Завершается отрывок упоминанием еще одного локуса — гостиницы «Альгамбра», местоположение которой нам определить не удалось. Возможно, «Альгамбра» — метафорическое наименование какой-то другой гостиницы. По состоянию на 1910 г. в городе имелись следующие «номера для проезжающих»: «Россия» (Ура-Тюбинская №19 и Иджарская ул.), «Гранд-отель» (Иджарская ул. 25.), «Туркестан» (Ура-Тюбинская №12 и Иканская), «Харьковские номера» (Иканская ул.), «Привокзальная гостиница и номера» (Духовская вблизи Вокзала), «Ориант» (Махрамовская ул., против Реального училища), «Старая Франция» (Куропаткинская и Шипкинская, 30), «Франция» (Пушкинская ул.), «Номера Чернозубова» (Махрамская ул. №15), «Московские номера» (Московская ул. №15), «Бельвию»

²⁷ Там же. С. 13.

*Кафе-театр «Буфф», нач. XX в. Фото Э. Хлубны из архива Б.А. Голендера
Cafe-theatre "Buff," early 20th century. Photo by E. Khlubny from the archive of
B.A. Golender*

(Джизакская ул., № 27) — в русской части города; «Центральная Азия» (около Большого базара) — в туземной части города²⁸.

Часто в сатирических стихотворениях о Ташкенте заходила речь о городских ресторанах. Помимо «Буффа», в уже упомянутых нами четверостишиях «К летнему сезону» фигурирует ресторан «Анона», точный адрес которого нам неизвестен:

Дальше карты, «Анона» и клубы;
Маскарады, попойки и флирт,
Как финал упражнения «в зубь»...
А причина? — Филатовский спирт²⁹.

Об этом же заведении идет речь в стихотворении «Неудачный ужин», подписанном «Квазимодо»:

Ужин кончили в «Аноне»
И желанный час настал.
— Ты моя, — сказал он Тоне,
Едем вместе на вокзал³⁰.

²⁸ Адрес-справочник Туркестанского края с иллюстрациями, календарем на 1910 г. С. 110.

²⁹ Кара-Курт. Ташкент, 1913. № 6. С. 10.

³⁰ Там же. № 5. С. 8.

Из последующих строк стихотворения становится понятно, что «Анона» был весьма дорогим рестораном: «*Обвела меня плутовка, / Ужин стоил сто рублей!*»³¹.

В стихотворении Рыжего Кока «Сказка о Ташкенте» фигурирует еще одно подобное заведение — кафе «Чирчик»:

Хочешь, чтоб тебя любили,
Заводи автомобили
И красоток в тот же миг
Увози в «Кафе-Чирчик»³².

В этом стихотворении в качестве одной из характерных примет крупного города упоминаются ташкентские автомобили. Однако в другом стихотворении, которое называется «Кафе “Чирчик”» (автор «Вокашроп» — обратное написание фамилии Поршаков), это заведение описано как находящееся за пределами города:

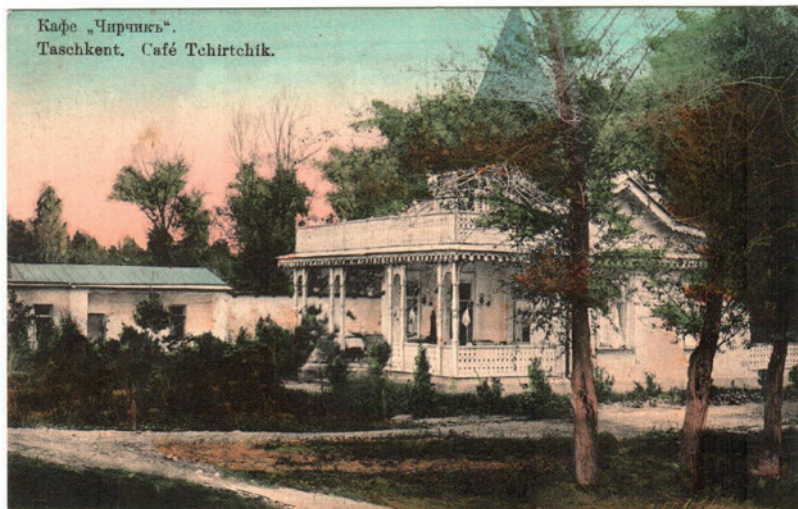
Где шумит Чирчик широкий,
Где повис из «злата» мост,
Павильон стоит высокий —
Там кутежки даже в пост.
Громко вывеска вешает:
Се стоит «Кафе Чирчик».
Пьяный кельнер обещает,
Что есть птички «чирик–чик!»³³

Кафе «Чирчик» предстает менее respectable заведением, нежели «Анона», к тому же загородным. Тем не менее, можно предположить, что оно все же располагалось в черте Ташкента: сохранилась дореволюционная открытка, на которой изображено кафе «Чирчик» с подписью «Taschkent» — на ней позади заведения видна остроконечная крыша другого здания, которое, скорее всего, является евангелическо-лютеранской церковью, построенной в Ташкенте в конце XIX в. и располагавшейся на Жуковской улице. Похожая крыша была также у минарета мечети Марджани, однако и этот объект располагался на территории города: в непосредственной близости от Воскресенского базара, находившегося на пересечении Махрамского проспекта и Романовской улицы.

³¹ Там же. С. 9.

³² Там же. № 3. С. 11.

³³ Туркестанский Кара-Кург. Ташкент, 1911. № 3. С. 10.

*Кафе «Чирчик», нач. XX в. Открытка из коллекции С.Г. Пряхина
Cafe "Chirchik," beginning of the 20th century Postcard from the
collection of S.G. Pryakhin*

Портреты туземных жителей города в сатирической поэзии из журналов «Туркестанский скорпион» и «Туркестанский каракурт» свелись к единственному изображению из фельетона, подписанном «Ник. Терлик», «На Воскресенском базаре» — локусе, о котором мы уже упоминали:

Какая грязь!... здесь — мусор, кости,
Остатки пиршества собак,
Гнилые овощи и кучи
Тряпья, соломы... — «Тут кабак
На свежем воздухе?» — невольно
Я сарта встречного спросил...
— «Нэт!... Здэсь базар якши!»... спокойно
Мне арбакеш так разьяснил³⁴.

³⁴ Там же. С. 7.

Воскресенский базар (на заднем плане виден минарет мечети Марджани с остроконечным куполом), нач. XX в. Фото из личного архива С.Н. Полупанова
Voskresensky Bazaar (the minaret of the Marjani Mosque with its pointed dome is visible in the background), early 20th century. Photo from the personal archive of S.N. Polupanov

Мы видим, что авторы двух ташкентских сатирических журналов детально изображали столицу Туркестанского края как среднестатистический русский провинциальный город, ежедневно сталкивающийся с проблемами, типичными для большинства русских провинциальных городов. Узбекское население, узбекская архитектура и проблемы коренного населения города поэтами из «Туркестанского скорпиона» и «Туркестанского кара-Курта» просто не замечались и, соответственно, не брались в расчет.

Литература

1. Библиография периодических изданий России. 1901–1916: в 4 т. / под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Л.: ГПБ, 1958–1961. Т. 2. 720 с.; Т. 3. 686 с.
2. Волошин М.А. Собр. соч.: в 13 т. / сост. А.В. Лавров; под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова при участии Р.П. Хрулевой. М.: Элис Лак, 2003–2015. Т. 1. 608 с.; Т. 8. 832 с.
3. Гаспаров М.Л. Собр. соч.: в 6 т. М.: НЛЮ, 2022. Т. 3: Русская поэзия / сост. О.А. Лекманова, К.М. Поливанова. 992 с.

4. *Каримова Н.Г.* Из истории становления кинопроката в городах Туркестанского края // *Central Asian Journal of Social Sciences and History*. 2022. № 3 (7). P. 1–5.

5. *Набоков В.В.* Русский период. Собр. соч.: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; примеч. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4. 784 с.

6. *Сауд Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.

7. *Ширяевец А.* Песни волжского соловья: избранное / предисл. В.И. Субботина, Е.Г. Койновой. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2007. 276 с.

8. *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, UK: Cambridge University Press Publ., 2020. 640 p.

Research Article

Russian Tashkent in Satirical Poetry of the Early 20th Century

© 2025, Viktor A. Sukhanov

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract: The article deals with the image of Tashkent as it appears in the Russian satirical poetry of the early 20th century. Initially, the article presents a review of sketches about Tashkent of that time made by travelers from the central part of Russia. The article emphasizes that the main feature of these works is the combination of Asian realities and features of the Russian province in the cultural image of Tashkent. Further, the comparison reveals the differences in the descriptions of Tashkent in the poems of visiting poets and Tashkent poets: while in the texts of the first category of authors there is a unity of Russian and Asian motifs, in the texts of Tashkent poets the city is portrayed as a typical Russian province. The central part of the article analyzes the poetic feuillets of two satirical journals of the early last century, *Turkestan Scorpion* and *Turkestan Kara-Kurt*. The method of cataloging reveals the main components of the image of Tashkent of that period, which was portrayed by satirical poets (permanent residents of the city) as a provincial Russian city with minimal inclusions of Asian realities.

Keywords: Russian literature, satirical poetry, colonial literature, postcolonial discourse, orientalism, Tashkent, Central Asia.

Information about the author: Viktor A. Sukhanov, Lecturer, Department of Russian Literary Studies, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, University St., 4, 100174 Tashkent, Uzbekistan.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0776-1104>

E-mail: viktor.sukhanov.99@mail.ru

For citation: Sukhanov, V.A. “Russian Tashkent in Satirical Poetry of the Early 20th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 314–338. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-314-338>

References

1. *Bibliografiia periodicheskikh izdanii Rossii. 1901–1916: v 4 t. [Bibliography of Periodicals of Russia. 1901–1916: in 4 vols.]*, vol. 2, 3, ed. by V.M. Barashenkov, O.D. Golubeva, and N.Ia. Morachevskii. Leningrad, State Public Library Publ., 1958–1961. 720, 686 p. (In Russ.)
2. Voloshin, M.A. *Sobranie sochinenii: v 13 t. [Collected Works: in 13 vols.]*, vol. 1, 8, comp. by A.V. Lavrov, ed. by V.P. Kupchenko and A.V. Lavrov with the participation of R.P. Khruleva. Moscow, Elis Lak Publ., 2003–2015. 608, 832 p. (In Russ.)
3. Gasparov, M.L. *Sobranie sochinenii: v 6 t. [Collected Works: in 6 vols.]*, vol. 3: *Russkaia poeziia [Russian Poetry]*, comp. by O.A. Lekmanov and K.M. Polivanov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 992 p. (In Russ.)
4. Karimova, N.G. “Iz istorii stanovleniia kinoprokata v gorodakh Turkestarskogo kraia” [“From the History of Film Distribution in the Cities of the Turkestan Region”]. *Central Asian Journal of Social Sciences and History*, no. 3 (7), 2022, pp. 1–5. (In Russ.)
5. Nabokov, V.V. *Russkii period. Sobranie sochinenii: v 5 t. [Russian Period. Collected Works: in 5 vols.]*, vol. 4, comp. by N. Artemenko-Tolstoy, foreword by A. Dolinin, notes by O. Skonechnaia, A. Dolinin, Iu. Leving, G. Glushanok. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2002. 784 p. (In Russ.)
6. Said, E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]*. St. Petersburg, Russkii Mir Publ., 2006. 637 p. (In Russ.)
7. Shiriaevets, A. *Pesni volzhskogo solov'ia: izbrannoe [Songs of the Volga Nightingale: Selected Works]*, foreword by V.I. Subbotin and E.G. Koinova. Tolyati, Fond “Dukhovnoe nasledie” Publ., 2007. 276 p. (In Russ.)
8. Morrison, Alexander. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2020. 640 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 22.09.2024

Одобрена после рецензирования: 18.02.2025

Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 22.09.2024

Approved after reviewing: 18.02.2025

Date of publication: 25.03.2025